

УДК 9с(47.20)

Статья

ОЛОНЕЦКИЕ ПАШЕННЫЕ СОЛДАТЫ: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПОЛКОВ В 1649 г.¹

Брусницына Дарья Владимировна

Петрозаводский государственный университет, пр. Ленина 33,
185910, Петрозаводск, Россия;

младший научный сотрудник МНОЦ CARELICA
Института Североевропейских исследований ПетрГУ,
преподаватель кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений
Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ.

http://illmik.petsu.ru/illmik/Brusnitsina_CV_ru.html

Аннотация. В фокусе статьи процесс формирования солдатских полков в Заонежских и Лопских погостах в 1649 г. Впервые в историографии подробно проанализирован царский наказ от 1 марта 1649 г. об «устройстве» местных крестьян и бобылей в солдаты и предпринята попытка ответить на несколько вопросов до сих пор неясных: из каких групп населения и по сколько человек со двора прибирали в солдаты; каков был статус остальных жителей погостов. Установлено, что записи в солдаты подлежали все черносошные крестьяне, бобыли, захребетники и их родственники, годные к службе по возрасту и состоянию здоровья, уже в первый год организации военной службы в солдаты могли прибрать до четырех человек со двора. Выявлено, что первоначально правительство планировало сформировать из жителей Заонежских и Лопских погостов 2 полка по 3000 человек в каждом (по 15 рот). Определено, что первый подсчёт крестьян, записанных в полки, и начало их обучения военным навыкам относятся к июню 1649 г.

Ключевые слова: Олонецкий уезд; XVII век; полки нового строя; пашенные солдаты

¹ Исследование выполняется в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки России (ГБТ № 653-14), в ходе реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг. и при поддержке РГНФ (проект № 13-31-01225а2)

В 1649 г. на северо-западе России в Заонежских и Лопских погостах была проведена военная реформа: с целью укрепления обороноспособности приграничного региона и охраны русско-шведской границы черносошные крестьяне и бобыли были записаны в так называемые пашенные солдаты. В новом — солдатском — статусе местные жители прожили восемнадцать, безусловно трудных для них, лет до отмены службы в 1666 г.

То, что отношение правительства к полкам олонецких пашенных солдат менялось на протяжении их существования, давно известно в историографии, но подробно не изучено. Главным изменением стало привлечение пашенных солдат к участию в боевых действиях русско-польской и русско-шведской войн (1654—1667, 1656—1658) несмотря на изначально данное обещание использовать их военную силу только для пограничной службы. Также происходили изменения в режиме обучения, выплате жалованья, порядке прибора на службу и отправки в действующую армию. Для того, чтобы в дальнейшем обратиться к более глубокому исследованию причин и последствий произошедших изменений, важно разобраться в первоначальных планах правительства. До недавнего времени организация солдатской службы в Заонежских и Лопских погостах в 1649 г. специально не изучалась и потому оставались неясными некоторые вопросы, в частности: о критерии разделения черносошного населения региона на две категории — пашенных солдат и «охудалых» крестьян, о возрасте крестьян, признанных годными к несению солдатской службы, общем числе записанных в 1649 г. в солдаты местных жителей и числе прибирающихся с каждого двора. В ранее опубликованных статьях мы проанализировали два аспекта мероприятияй 1649 г.: 1) о распределении черносошного населения на тех, кого взяли на службу, и тех, кто попал в категорию «охудалых» [11]; 2) о взаимоотношениях двух организаторов солдатской службы — воеводы Ф. Ф. Волконского и крестьянского «свозчика» В. Д. Золотарева [10]. В первом случае установлено, что критерием разделения населения на две категории послужила не материальная обеспеченность, как предполагала Р. Б. Мюллер, а наличие или отсутствие во дворах мужчин, годных к военной службе. Во втором — выявлены сложившиеся конфликтные взаимоотношения между двумя должностными лицами, которые привели к промедлению с записью крестьян и бобылей в солдаты.

В настоящей статье мы проанализируем сведения источников по вопросу о возрасте крестьян и бобылей, признававшихся годными к несению солдатской службы, общем числе записанных в 1649 г. в солдаты местных жителей и количестве прибирающихся с каждого двора. Большую часть изученных для раскрытия вопроса документов составляют актовые материалы (законодательные и приказного делопроизводства). Это царские наказы и грамоты воеводам об «устройстве» солдатской службы и их отписки в Москву, а также челобитные жителей Заонежских и Лопских погостов и наказные памяти, выданные после рассмотрения жалоб или просьб.

Намерение правительства зачислить черносошных крестьян Заонежских погостах в солдаты для охраны русско-шведской границы выявляется по документам с 1647 г., когда направленному сюда из Москвы В. Д. Золотареву для сбора с населения податей и недоимок, также было вменено в обязанность сообщить местным жителям о перспективе солдатской службы и принять от них сказки и челобитные с их мнением. Затем в 1648 г. на государя были отписаны земли новгородского митрополита Афония в Олонецком погосте с пояснением, что проживавшие там крестьяне будут «устроены» в драгунскую службу [1]. В феврале 1649 г. была составлена роспись 104 иноземных военных, направленных в Заонежские и Лопские погосты из Москвы для обучения населения солдатскому строю [3]. Уже тогда один из двух полковников — Александр Гамильтон — подавал челобитную с просьбой увеличить число

урядников, поясняя, что имеющимися обучить 3000 человек (15 рот) невозможно. Его просьба была отклонена. Однако нам становится известно, что число полков и численный состав как командиров, так и рядовых был известен уже тогда: планировалось сформировать два полка по 3000 солдат в каждом, подразделённых по 15 ротам. Важно помнить, что это время, в феврале 1649 г., в Заонежских и Лопских погостах запись крестьян и бобылей в солдаты ещё не была проведена.

Правовой основой для организации полков пашенных солдат послужил царский наказ от 1 марта 1649 г., который был дан Ф. Ф. Волконскому и С. П. Елагину, назначенным воеводами «на Олонец». Они прибыли к месту службы в конце марта, 24 и 31 числа соответственно. В дальнейшем, осуществляя мероприятия по формированию полков, воеводы действовали в соответствии именно с этим документом, однако до последнего времени в историографии ему не было уделено должного внимания. В РГАДА сохранился черновик наказа, он не опубликован и только дважды был упомянут в работах историков. Детально его содержание авторами не разбиралось.

Р. Б. Мюллер в отношении наказа ограничилась всего одной фразой, что в документе воеводам предписывалось «принимать соответствующие меры к устройству пашенных солдат» [16; 152]. А. В. Чернов написал, что наказ этот был о постройке г. Олонца и о записи в солдатскую службу крестьян, бобылей и их родственников во всех Заонежских и Лопских погостах. Историк отметил, что за крестьянами оставляли их земельные участки, а вместо жалованья за службу освобождали от податей, а также то, что каждый крестьянский двор должен был дать одного человека в солдаты [18; 144]. Несмотря на то, что для исследования истории олонецких полков пашенных солдат этот источник имеет первостепенную важность и именно в нём были даны первые распоряжения относительно «устройства» крестьян в солдатский строй, более никто из историков этот документ не анализировал.

Наказ содержит различные указания Волконскому и Елагину по их будущей деятельности в Заонежских и Лопских погостах: об «исправлении» ими воеводской должности, о постройке города Олонца и об «устройстве» солдатской службы [7; 14—41]. О последнем написано: «... а Заонежских и Лопских всех погостов крестьян и бобылей и их детей и братью и племянников и захребетников устроить в салдатскую службу, для того в прошлом во 155-м году били челом государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Русии Заонежских погостов крестьяне, чтоб государь их пожаловал, велел быть в салдатской службе. И государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея Русии их Заонежских погостов всех крестьян пожаловал в салдатскую службу устроить велел, а для того пожаловал государь данных и оброчных денег и всяких доходов впредь по вся годы иметь с них не велел вместо своего государского жалованья» [7; 14—15]¹.

На основании этого отрывка приходим к следующему заключению. Во-первых, подтверждаются слова Р. Б. Мюллера о том, что правительство стремилось представить введение солдатской службы на русско-шведской границе как инициативу местных крестьян. Во-вторых, несмотря на то, что крестьяне Лопских погостов не подавали челобитных с просьбой записать их в солдаты, службу распространили и на них. В-третьих, в наказе совершенно определённо написано, что «устройению» в солдаты подлежали все крестьяне и бобыли Заонежских и Лопских погостов, а также их дети, братья, племянники и захребетники (к этому вопросу мы специально обратимся ниже). В-четвёртых, в документе было велено с записав-

¹ В рукописи первоначально было написано «в солдатскую и в драгунскую службу», но потом по всему тексту указа слова «и в драгунскую» были вычеркнуты.

шихся в солдаты впредь «данных и оброчных денег и всяких доходов» не взимать, то есть солдаты освобождались от тягла.

Судя по тому, что в черновике наказа изначально было велено «устроить» крестьян не только в солдатскую, но и в драгунскую службу, такое намерение тоже было. Об этом же свидетельствует царский указ об отписке вотчины Новгородского митрополита Афония в Олонецком погосте на государя в 1648 г. [1]. В качестве обоснования данного мероприятия было сообщено о планируемом «устройстве» местных крестьян в драгунскую службу. В черновике наказа от 1 марта 1649 г. слова «и в драгунскую» везде по тексту были зачеркнуты. По-видимому, было решено начать с более лёгкого и доступного большему количеству крестьян обучения — солдатскому строю, и только потом из обученных солдат выбрать годных для обучения строю драгунскому. Важно отметить, в историографии существует мнение, высказанное А. Ю. Жуковым, что в отписанном на государя Олонецком погосте крестьян начали обучать военному делу уже в 1648 г. и создали из их числа драгунский полк [14; 111]. Автор ошибочно интерпретировал сведения указа об отписке Олонецкого погоста на государя в 1648 г. В действительности, слова о том, что местные крестьяне будут записаны в драгунскую службу, не означали, что запись будет проведена сразу же в 1648 г. Начало практическому воплощению реформы в жизнь положил наказ от 1 марта 1649 г. Фактически же к записи крестьян и бобылей (в том числе Олонецкого погоста) в полки и их обучению приступили только в июне 1649 г. Ранее того времени прибор крестьян на военную службу ни в одном из погostов будущего Олонецкого уезда не проводился, так как не были ещё составлены списки годных к несению службы, а большинство иноземных офицеров, назначенных для обучения местных жителей военному делу, прибыли только в мае.

Подчеркнём, что не на все вопросы можно получить ответы, анализируя наказ. В некоторых случаях получить нужные сведения можно только проводя сравнительное изучение всего массива актового материала, переписных книг и бюджетных смет Олонецкого уезда. При подготовке наказа правительство обошло вниманием два взаимосвязанных вопроса. Во-первых, несмотря на то, что в феврале 1649 г., как мы отметили выше, в Заонежских и Лопских погостах планировалось сформировать два полка общей численностью 6000 человек, в наказе от 1 марта было велено «устроить» в солдаты всех крестьян и бобылей и их родственников. Во-вторых, в наказе не был прописан возраст, при достижении которого крестьян могли прибирать в солдаты, и не указан возраст, при достижении которого крестьяне освобождались от несения солдатской службы. Вероятно, в силу этих двух обстоятельств воеводы, следя наказу, в течение 1649 г. внесли в списки солдат намного больше местных жителей, чем планировалось в начале года — 10 000 человек.

Следует отметить, что историки, указывавшие в своих трудах возраст годности к несению военной службы карельских крестьян, не сделали ссылки на источник информации. Р. Б. Мюллер отметила, что «все сколько-нибудь зажиточные крестьяне в возрасте от 20 до 50 лет были вписаны в солдатские списки» [16; 131]. Те же сведения о возрасте прибирающихся в солдаты крестьян Заонежских погостов привёл А. В. Чернов [18; 144—145]. А. С. Рыжков отметил, что «к военной службе привлекалось всё мужское население региона в возрасте от 25-ти (с 1657 г. — от 15-ти) до 50-ти лет, за исключением самых бедных («охудальных») крестьян» [17; 270].

В изученных актовых материалах нам не встретились сведения, подтверждающие, что годными к солдатской службе считались мужчины в возрасте от 20-ти (25-ти) до 50-ти лет. Полагаем, что Р. Б. Мюллер и А. В. Чернов в вопросе о возрасте прибора заонежских крестьян в солдаты в 1649 г. могли провести параллель с содержанием наказа от 21 ноября 1649 г. Этот

документ опубликован и содержит информацию об условиях записи черносошных крестьян Сумерской и Старопольской волостей Старорусского уезда в солдаты. Условия эти схожи с теми, по которым несколькими месяцами ранее происходила запись в солдаты в Заонежских погостах, но в отличие от наказа от 1 марта 1649 г. в этом документе чётко прописаны и возраст солдат — от 20 до 50 лет и то, что в солдаты должны были взять с двора по человеку (из «семьянистых» дворов по два и по три человека) [4]. Ввиду того, что создание солдатских полков из черносошных крестьян как в Заонежских и Лопских погостах, так и в Сумерской и Старопольской волостях Старорусского уезда, проводилось в рамках единого мероприятия по укреплению обороноспособности северо-западной границы России, справедливо признать, что условия записи крестьян в солдаты должны были быть схожими. Не исключено также, что правительство учло опыт организации солдатской службы в Заонежских погостах и поэтому в изданном позже наказе о записи в солдаты крестьян Старорусского уезда оказались прописаны и возраст, и количество солдат, которых должны были прибрать с одного двора.

К написанному можно добавить, что согласно Положению о службе 1555/56 г. ратные люди начинали служить с 15-летнего возраста. В Соборном Уложении 1649 г. возрастная планка была повышенена до 18 лет, что, по мнению учёных, подготовивших комментарии к Уложению, было связано с широким внедрением в практику огнестрельного оружия и тем, что для обучения навыкам обращения с таким оружием требовался более зрелый возраст. Данная норма уравнивала возраст прибора в поместную конницу с возрастом зачисления в полки «нового строя» [2; 167—168].

Полки пашенных солдат в Олонецком и Старорусской уезде формировались по образцам полков «нового строя» и обучались военному делу, в том числе стрельбе из мушкетов, иноzemными офицерами, однако прибирали в солдаты, по крайней мере в Старорусском уезде, не с 18-ти, а с 20-ти лет. Как это можно объяснить? Вероятно, первоначально правительство полагало, что обучение крестьян, в большинстве своём незнакомых с военной службой, будет более результативным, если возраст прибора повысить до 20-ти лет.

В то же время в документах есть сведения о приборе в 1657 г. олонецких крестьян на солдатскую службу с 15-ти летнего возраста. Солдатский переписчик И. С. Дивов сообщил в Москву, что моложе 15 лет он в солдаты «не прибирал» [9; 85]. Однако несмотря на то, что Р. Б. Мюллер интерпретировала эти слова так, что именно «... Дивов расширил круг лиц, из которых комплектовались солдаты, включив в составленные им солдатские списки крестьян от 15-летнего возраста ...» [16; 135], полагаем, что этих сведений недостаточно, чтобы прийти к выводу, что Дивов первым стал записывать в солдаты с этого возраста. Такая практика могла применяться и в прежние годы. В любом случае, решение о понижении возрастной планки могло быть принято в период войн с Польшей и Швецией из-за большой потребности государства в солдатах. В 1649 г. — в мирное время — не было необходимости записывать на службу всех мужчин, начиная со столь юного возраста.

Важно отметить, что среди той части сохранившихся актовых материалов, в которых поднимался вопрос о приборе в солдаты или отставке из солдат и дело решалось в зависимости от физического состояния человека, указание конкретного возраста встречается только один раз. В остальных случаях в документах писали либо «мал», то есть ещё не годен к службе, либо «стар», то есть уже не годен к службе. Кроме того, встречаются указания на болезни и увечья, а также худобу или немощность.

Единственный выявленный нами случай, когда в документе был упомянут возраст, вызывает необходимость пересмотреть вопрос о верхней возрастной границе освобождения от

солдатской службы. В наказной памяти воеводы Чоглокова, подготовленной в ответ на чебобитье солдата Шуйского погоста Сергушки Васильева сына Готушкова с просьбой перевести его в «охудальные» крестьяне, воевода среди прочих условий перевода указал на возраст: «... будет тот Сергушка семидесяти лет ...» [6]. Не исключено, что в наказной памяти содержится описка и возраст Сергушки был не семьдесят, а пятьдесят лет. С другой стороны, данное документальное свидетельство может означать также то, что в Олонецком уезде воеводы прибирали в солдаты всех годных к службе мужчин независимо от возраста, оценивая лишь их здоровье, поэтому верхней возрастной границей для солдатской службы могло быть не установлено вовсе и срок службы мог зависеть только от физического состояния солдата.

Тем не менее, если по аналогии с сумерскими и старопольскими крестьянами мы можем признать справедливым и в отношении заонежских и лопских крестьян и бобылей, что в 1649 г. их тоже прибирали на службу главным образом в таком возрасте, чтобы «с них служба сталася» — от 20-ти до 50-ти лет, то совершенно очевидно, что норма прибора в солдаты с одного двора по человеку в Заонежских и Лопских погостах не применялась. В данном случае Р. Б. Мюллер права, подчёркивая, что к солдатской службе нередко одновременно привлекалось несколько членов семьи — отец, сыновья, братья [16; 131]. Это подтверждается сведениями источников.

В конце июня 1649 г. воевода Волконский впервые сообщил в Москву о записи в солдаты крестьян Олонецкого погоста и Святозерской выставки Важенского погоста: «... а написали государь тех всех людей салдатскому ученью с Олонецкова погосту и с Святозерская волости з двора по человеку, итаво тысяча четыреста пять человек, да в тех же дворех тех солдатов семенистых людей братьи и детей и племянников и зятьев семысот девятнадцать человек, и по твоему государеву указу привели их всех ко кресту и отдали имяна их и их всех налицо полковнику Александру Гамонту с товарыщи и велели их учить салдатскому учению» [7; 281—282].

По тексту грамоты, посланной в Олонец, мы можем частично восстановить сведения отписки, не обнаруженной среди изученных документов, в которой содержались первые данные о численности местных жителей, записанных в солдаты по четырём погостам и одной волости: «... Рождественского Олонецкого, Оштинского, Остречинского, Важенского погостов и Святозерской волости написано в салдаты з двора по человеку и отдано в ученье июня по 26 число 2237 человек да их братьи и детей и племянников и зятьев 1157 человек. Обоего 3394 человека» [7; 326].

Из приведённых отрывков очевидно, что прибранных на службу солдатских родственников примерно в два раза меньше, чем дворохозяев записанных в солдаты. Таким образом, примерно с половины дворов взяли только по одному человеку, но с остальных по два или более. По словам воеводы Волконского, с дворов «семенистых» крестьян могли взять по два, три или четыре человека.

Если для сравнения обратиться к записи в 1649 г. в солдаты крестьян Сумерской и Старопольской волостей, то О. А. Курбатов приводит об этом следующие данные: солдатское снаряжение прибыло в волостной центр на тысячу человек (на 10 рот) и всего семеро начальственных людей из иноземцев, в то же время в этих волостях было 656 дворов, и несмотря на то что годных к службе в них оказалось 2092 человека, при норме службы один, максимум два человека со двора, полк не достигал тысячного состава. В итоге, по словам историка, было сформировано всего 5 рот по 160—180 человек в каждой [15; 167].

В Заонежских и Лопских погостах уже в феврале 1649 г. предполагалось, что в каждом из двух полков будет по 15 рот по 200 человек. Количество вооружения, посланного сюда из Москвы, также подтверждает такую численность полков: помимо прочего в Заонежские погосты было послано по шесть тысяч мушкетов, шпаг и бандалеров, которые должны были получить крестьяне, записанные в солдаты. Таким образом, у правительства было намерение прибрать и обучить «иноzemному строю» не более шести тысяч человек в этом приграничном регионе. Тот факт, что среди иноземцев, отправленных для обучения крестьян военному делу, было всего два полковника, свидетельствует о планах распределить прибранных солдат по двум полкам. При изучении этого вопроса сразу становится очевидным малое количество «начальных людей» — всего 104 человека. В сравнении с обычным численным составом командного звена полков «нового строя» этого было явно недостаточно для полноценной деятельности воинских подразделений. Летом 1649 г. полковник А. Гамильтон подал челобитную в Олонце с просьбой, во-первых, увеличить число начальных людей у него в полку, во-вторых, разрешить перевести некоторых военнослужащих в более высокий чин. По его словам, урядников, посланных с ним из Москвы, хватало только на устройство восьми рот. Однако из центра ему велели, «чтоб он учил теми людьми, которые с ним посланы все 15 рот 3000 человек», а «из чину в чин не переводить» [7; 334—335]. Таким образом, в Заонежских и Лопских погостах были сформированы два полка, по своей численности значительно превосходящие принятую величину такого воинского подразделения: вместо полка в 1600 человек подразделённого на 10 рот по 160 солдат, в каждый из двух полков в Заонежских и Лопских погостах планировалось зачислить по 3000 человек, распределённых по 15 ротам. Причины такого решения, вероятно, заключаются, во-первых, в нехватке «начальных людей», способных обучить солдат иноземному строю, во-вторых, недостаточном объёме денежных средств, которые казна могла выделить на оплату их жалованья. Тем не менее, несмотря на недовольство полковников нехваткой начальных людей, находившихся у них в подчинении, число крестьян записанных в ряды солдат уже летом 1649 г. превысило первоначально установленное в 6000 человек. По неполным данным, собранным по части погостов, приведённым в работе Р. Б. Мюллер, в июле 1649 г. в солдаты было записано 7902 человека. По словам воеводы Волконского, он записал в солдаты в Заонежских и Лопских погостах в 1649 г. 10 000 человек [8; 4—5].

Таким образом, делаем важный вывод: воеводы, записывая годных к солдатской службе крестьян, ориентировались не на число в 6000 человек, а на царский наказ, повелевавший записать в солдаты всех крестьян и бобылей Заонежских и Лопских погостов. Тем не менее, возникает вопрос: откуда появилось это планируемое количество в 6000 солдат? Полагаем, что правительство основывало свои намерения на данных переписи 1646 г., по которой в Заонежских погостах числилось на черносошных землях 4674 двора, а на митрополичьих — 915 дворов крестьян и бобылей [19; 124]. Ввиду того, что в 1648 г. митрополичьи земли были отписаны на государя, всего в Заонежских погостах стало 5589 черносошных дворов, с которых можно было прибирать солдат. Очевидно, что это количество дворов и рассматривалось правительством как основа для набора солдат как минимум по человеку с каждого двора. Превышение количества в 6000 человек связано, вероятно, как с формулировкой царского наказа о записи в солдаты всех крестьян и бобылей, так и с деятельностью В. Д. Золотарева по возвращению «сошлых» крестьян, которые также «устраивались» в солдатскую службу.

Вероятно, правительство учло и число дворов Лопских погостов, однако мы не располагаем источниками, сколько дворов было в этой редко населённой местности. По данным М. М. Богословского, в 1649 г. в трёх Лопских погостах в солдаты записали с 351 двора 548 человек [12; 144]. Сведений по остальным четырём погостам на этот год нет.

По мнению Р. Б. Мюллер, несмотря на недовольство части крестьян, в 1649 г. солдатская служба была введена на всей территории Заонежских и Лопских погостов [16; 132]. А. Ю. Жуков полагает, что крестьяне Лопских погостов были записаны в солдаты только в начале 1650 г., основывая свой вывод на опубликованном наказе В. А. Чоглокову, назначенному в декабре 1649 г. воеводой в Олонец на место Волконского [13; 155].

Тем не менее, не подлежит сомнению, что во всех Заонежских погостах и на большей части территории Лопских погостов обучение крестьян солдатскому строю началось в 1649 г.: первая группа новоприборных солдат (3394 человек) была отдана в обучение «начальным людям» в конце июня [7; 326]. При этом очевидно, что с самого начала с некоторых дворов в солдаты записали по два, три или четыре человека, поэтому в июле 1649 г. численность пашенных солдат увеличилась до 7902, а к концу года — до 10 000 человек, значительно превысив запланированные 6000. При этом, несмотря на жалобы иноземных полковников на недостаточную численность урядников, все солдаты распределялись по двум полкам (А. Гамильтона и М. Кармихеля) до 1654 г., когда накануне русско-польской войны был создан третий полк Т. Краферта и часть солдат перешла под его командование.

ИСТОЧНИКИ

Опубликованные:

1. 1648, апреля 30. — Грамота царя Алексея Михайловича Новгородскому митрополиту Авфонию об отписке на государя Олонецкого погоста // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 48. № 41. С. 71—72.
2. 1649. — Соборное Уложение. Текст. Комментарии / Подготовка текста Л. И. Ивиной; Ред. колл. В. И. Буганов, М. П. Ирошников, А. Г. Маньков, В. М. Панеях; Комм. под рук. А. Г. Манькова. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987. 448 с.
3. 1649, февраля 18. — Роспись иностранных офицеров и нижних чинов, назначенных для обучения людей в солдатских полках, расположенных в Заонежских погостах // ДАИ. Т. 3. 1848. № 49. С. 170—173.
4. 1649, ноября 21. — Наказ воеводе Иванису Кайсарову, об управлении Старорусского уезда Су-мерской и Старопольской волостей крестьянами, назначенными к обращению в оседлые солдаты, роспись иноземных офицеров, посланных для обучения их воинскому артикулу, и крестоцеловальная запись на верность службы означенных солдат // ДАИ. Т. III. № 65. С. 231—239.
5. 1649, декабря 31. — Наказ олонецкому воеводе Василю Чоглокову об отправлении им воеводской должности // ДАИ. Т. III. № 67. С. 243—249.

Неопубликованные:

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ АРХИВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАН

ФОНД 98. ОЛОНЕЦКАЯ ВОЕВОДСКАЯ ИЗБА

6. Список с наказной памяти воеводы Василия Александровича Чоглокова по челобитной Шуйского погоста Сергушки о переводе его в охудальные крестьяне в случае, если подтвердится, что он стар, сын его Тимошка умер, а иных родственников нет и взять на службу некого // Архив СПБИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 16 (т). Сст. 1об

